

Артем Веселый

У Артема Веселого нет прошлого.—Он целиком наш. Он в— котле революции с первых шагов своей сознательной жизни.

В своей маленькой, в несколько строк, биографии Артем Веселый пишет:

«Родился на Волге в 1900 г. С весны 1917 года занимаюсь революцией. С 1920 года — писательством...»

Следовательно, с семнадцатилетнего возраста кинулся в пламя гражданской войны. Три года жил напряженной жизнью борца революции. И лишь потом засел за письменный стол, чтобы поделиться с читателем тем огромным запасом опыта и наблюдений, который Артем принес с поля битвы.

На всем облике писателя, — на его тематике и стиле, — отразилась наша эпоха во всей своей динамичности и суровой красоте.

Его матросы—Луки, Федотычи, Ваньки Грамофоны и Мишки Крокодилы, комиссары Капустины и Гребенщиковы—яркая галерея типов, созданных революцией в различные этапы ее приливов и отливов.

Луки, Федотычи—люди старого закала. На практике подчиняющиеся велению служебного долга. На словах—поруговывающие новое начальство.

«Скриплю по-малу...,—говорит он,—раньше царю, теперь коммуне служить довелось. Чего ты станешь будешь делать. Живешь, землю топчешь, ну значит и служи...»

Человек, прошедший суровую школу старой морской службы с зуботычиной и матерщиной, со слепым подчинением старшему чину и третированием младших братьев, Лука Федотыч брюжжит на революционную этику, поставившую знак равенства меж всеми гражданами, независимо от занимаемого им положения.

«Крышка, соколы,—жалуется он своим собеседникам,—о прежнем времячке думать забудь. Ноне, куда ни повернись, в ячейку угодишь, али в кружок... И мне старому кольцо в губу и в тарарам-студию».

Тарарам-студией для старого моряка является новая революционная кузница, в которой выковывается коллективная воля и товарищеская дисциплина, одинаково для всех обязательные.

Но этот же Лука Федотыч с упоением рассказывает о том упорстве, с которым он содействовал восстановлению нашего разрушенного и продырявленного флота.

Иной складки типы революции—Ванька Грамофон и Мишка Крокодил, неразлучные дружки и в горе и в радости.

Революцию они приняли стихийно, без размышлений, по молодости, кинулись в бой в рядах пролетарского авангарда и в первые годы революции являли пример бесстрашия и преданности боевым задачам рабочего класса.

Но когда спала первая романтическая волна и революция потребовала от окружающих не только революционного пыла, но и революционного сознания, когда за первым разрушительным периодом наступила пора строить, налаживать хозяйство, перевести боевую энергию с праздничной периферии в будничную глубину советского быта, Ваньки Грамофоны и Мишки Крокодилы завяли, поблекли, опустились.

И стихийное геройство, поднявшее их на миговую и случайную высоту, выродилось в хулиганство и налетничество.

Революции люди этих оказались не нужны, и они вынуждены были покинуть борт корабля, чтобы уступить место романтикам будней.

«Реками огненными» завершён период увлечения художника весенним разливом революции и намечен путь для нового человека, типа Капустина и Гребенщикова, призванного организовать и творить новую Россию.

Для него оказались тесными рамки маленького рассказа и повести. и Артем Веселый создал самую крупную свою по размерам и самую содержательную по тематике и сюжету вещь—роман «Страна народная», в котором отражена встреча партии с многомиллионным крестьянством.

Герои романа.—партийцы, примазавшиеся, крестьяне, в эпоху военного коммунизма, враждебно настроенные против советской власти, контр-революционеры.

В вихревой клубок перемешаны меж собою разнородные классовые группировки.

Мечется по селам неутомимый комиссар Капустин, выколачивая из кулаков продналог. Самоотверженно делает усилие упорядочить разброд инстинктов и волю коммунист Гребенщиков.

Организуют восстания кулаки, попы и офицеры. В слепой лихорадке волнуется деревня.

Но не прорвать враждебным силам крепнувшей связи меж революционным центром и захолустной, уездной окраиной. Под бременем всякого рода трудностей не гнутся бойцы партии. Иногда целятся препятствиям прямо в лоб, в упор, иногда, маневрируя, обходят. Но из рук не выпускают руля управления. Медленно и туго, но все же подвозится хлеб к ссыпным пунктам. Пусть раненый, но все же гонит корм в центр, на подмогу революционному ядру, партиец Гребенщиков.

Ванька Грамофон и Мишка Крокодил не чета Капустину и Гребенщикову.

Последние знают раз намеченную точку, и самые невероятные трудности не в состоянии затмить перед ними перспективу.

Но дело не в Капустине и Гребенщикове, как личностях,

При всем своем даре портретиста, при всем своем умении создавать людей живых и ярких, Артем Веселый далек от любования человеком, как таковым.

Человек для него типически значим, и важен он для него постольку, поскольку он отображает коллективную волю, выражает черты класса.

Никто из современных наших писателей, за исключением Всеволода Иванова, не умеет с такой убедительностью живописать массы, как Артем Веселый.

Его толпа, его волостная сходка—не скопище статистов, незнающих куда деть руки.

Нет. Она живет целостной жизнью, во всем своем многообразии мыслей и страстей.

Есть и еще одно огромное преимущество у Артема Веселого перед многими современными писателями.

Революционную, в лучшем смысле этого слова, тематику он сумел сочетать с вихревой, динамической формой.

В его речи много ритмических оттенков.

Если лихорадку боя он дает лавиной бысто несущихся коротких фраз и реплик, то минуты затишья зажигают его язык сказочно-прибаутчным орнаментом.

Можно было бы кое-что возразить против множества областных и импровизированно-новых слов, которыми Веселый часто уснащает свою речь.

Но, во-первых, эти непривычные слова не заслоняют четкой образности его стиля.

А, во-вторых, все эти нововведения взяты из гуши жизни, из уст сдвинутых в кучу областей и губерний, с которыми плечо в плечо жил годы на фронтах писатель.

Пренебречь этим обстоятельством значило бы в чем-то укоротить, видоизменить революционность эпохи.

Артем Веселый сделать этого не мог, потому что всем своим органическим, непрерывно растущим творчеством, всем своим темпераментом общественника он на все сто процентов связан с революцией.

Федор Жиц.